КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

ЗАЙМЫ (*)

— А я къ тебѣ, любезный Костроминъ. Послушай, душа моя, сдѣлай милость, дай мнѣ пятьдесятъ рублей до перваго числа; очень–нужно, ей–Богу; то–есть вотъ но на что овсеца купить верховому своему, да сѣнца; нѣчѣмъ заплатить проклятому жиду, а онъ не даетъ покоя и ужь два раза жаловался полковнику. Ей–Богу, такая бѣда! Пожалуйста, не откажи.

Костроминъ стоялъ молча, не зная, что отвѣчать; онъ думалъ только про–себя: «что я за сума — дай пить и ѣсть, что долженъ раскошеливаться каждый раз, когда кто–нибудь въ полку проиграется или безпутно прокутитъ жалованье свое и послѣ ходитъ, грызетъ ногти и ищетъ дурака?..»

(*) Первыя XIX картинъ помѣщены въ №№ 1, 6, 8 и 9–мъ "Отеч. Запис." 1857 года.

— Ну, послушай же, продолжалъ первый: — дай хоть сорокъ, хоть, наконецъ, тридцать–пять: ей–Богу, до зарѣзу нужно...

— А подумаешь ли ты о томъ, что ихъ надобно отдать? спросилъ, задумавшись, Костроминъ.

Товарищъ очень обидѣлся этимъ вопросомъ, спросилъ, въ свою очередь, за какого подлеца тотъ его принимаетъ, призывалъ въ поруки честь свою, благородное слово, опять упрекнулъ Костромина за крайне–обидное, неприличное слово, и опять, надувъ нѣсколько губы и покраснѣвъ въ лицѣ, сталъ божиться и заклинаться и спрашивать настойчиво:

— Да неужто жь ты мнѣ не вѣришь? Такъ, послѣ этого, ты самъ стоишь того, чтобъ тебя обругать... За кого жь ты меня принимаешь?

Костроминъ досталъ деньги, отдалъ ихъ молча, и товарищъ отправился, сказавъ нѣсколько–сухо и съ разстроеннымъ видомъ:

— Спасибо; непремѣнно отдамъ.

Оставшись одинъ, Костроминъ горько улыбнулся. «Экой я казначей!» сказалъ онъ, покачавъ головой: «и откуда только берется такая судьба человѣка, какъ моя? Доходовъ, кромѣ жалованья, ни одного гроша; коли отъ трети до трети есть остаточки да маленькій запасецъ, накопленный въ нѣсколько лѣтъ, то это не оттого, конечно, чтобъ я получалъ болѣе другихъ, а оттого только, что я не пью, въ карты не играю, безпутно ничего не проживаю... За что же мнѣ вѣчно оплачивать глупости другихъ? За что же тотъ, кто безстыднѣе и наглѣе, проживаетъ чужое? У насъ есть такъ–называемые богачи, которые получаютъ изъ дому вдвое и втрое противъ жалованья, одинъ даже вдесятеро болѣе, но къ нимъ никому и въ голову не придетъ идти за деньгами, они отъ этихъ докукъ свободны; напротивъ, они–то первые обираютъ нашего брата–бѣдняка, и у нихъ–то память на это дѣло всего короче. Попытайтесь напомнить имъ о должкѣ, если только это не карточный долгъ, и они готовы стрѣляться съ вами за

эту обиду. Взято, такъ взято, а благородство дворянина и особенно честь офицера требуютъ, чтобъ несчастный заимодавецъ, дуракъ этотъ, раболѣпно молчалъ, или товарищески прикусилъ языкъ и не поминалъ стараго, а припасалъ, на случай нужды, новое... Вѣдь не о деньгахъ рѣчь, а объ этой подлости людей, которые хотятъ слыть примѣромъ честности и благородства!»

«Да онъ отдастъ» сказалъ самъ себѣ безсознательно Костроминъ, и оглянулся, будто это проговорилъ кто другой, и, рѣзко покачавъ головой, самъ же себѣ отвѣчалъ: «Кто? онъ отдастъ? Да если онъ отдастъ въ срокъ, если онъ отдастъ добромъ, безъ ссоры, наконецъ — д÷, и на это согласенъ — если онъ вообще когда–нибудь самъ вспомнитъ о долгѣ этомъ и отдастъ его, то я готовъ позволить сдѣлать надъ собою что угодно... И не въ томъ дѣло, впрочемъ, не въ этихъ тридцати–пяти рубляхъ, хотя они, при четырехъ сотняхъ всего содержанія, также не бирюлька, но не въ томъ дѣло, и пожалуй даже не въ томъ, что такихъ

расхожихъ рублей, изъ которыхъ составляются десятки и сотни, у меня считается въ бѣгахъ... да сколько... сотни четыре; годовой окладъ — а вотъ въ чемъ дѣло: для чего это такъ на свѣтѣ бываетъ, зачѣмъ все это такъ устроено, что всегда невинный отвѣчаетъ за виноватаго, всегда наглость и безстыдство берутъ верхъ, а скромный, благонамѣренный и тихій человѣкъ, который не умѣетъ даже сказать такую простую и простительную ложь, какъ, напримѣръ, у меня нѣтъ денегъ, что такой человѣкъ долженъ страдать за товарищей своихъ, негодяевъ...

«Кончено!» сказалъ Костроминъ, ударивъ кулакомъ въ столъ и вскочивъ съ мѣста: «дудки! меня больше не поддѣнешь! Это было послѣднее мое дурачество. Что я въ–самомъ–дѣлѣ за банкиръ? Не дамъ никому ни рубля: и лгать не стану, а скажу прямо, безъ обиняковъ, что не дамъ. Для чего и для кого же я коплю и сберегаю? Для удовольствія картежника, который, въ чаду своего безпутства, спускаетъ въ одну минуту и на одну карту болѣе, чѣмъ я въ–

состоянiи накопить въ круглый годъ? Для бахвала, который обливаетъ кислымъ донскимъ виномъ столы и стулья и платитъ за него какъ за шампанское, лишь бы этому были свидѣтели и сводили замѣчательный счетъ бутылкамъ? Для распутнаго негодяя, который... Словомъ, кланяюсь всѣмъ имъ. Лучше я раздамъ рубли эти бѣднякамъ, или поправлю на нихъ два–три хозяйства разорившихся по несчастью крестьянъ — словомъ, и лгать не стану, да и держать не стану денегъ, ни лишняго гроша: я имъ лучше самъ протру глаза.»

Костроминъ надѣлъ сюртукъ, взялъ фуражку, вышелъ на улицу и отправился прямо къ одному крестьянину, о которомъ онъ на–дняхъ слышалъ. Удостовѣрившись на мѣстѣ, что въ семьѣ, гдѣ числилось семь душъ, былъ одинъ только работникъ, потому–что одинъ былъ отданъ въ рекруты, другой померъ, третiй калѣка и сидѣлъ сиднемъ на печи, четвертому минуло семьдесятъ лѣтъ, а пятому и шестому было по пяти и по шести лѣтъ отъ–роду; удостовѣрившись также, что единственный

работникъ и хозяинъ двора этого былъ мужикъ довольно–порядочный, потерявшійся только отъ удручавшихъ его несчастныхъ обстоятельствъ, Костроминъ тотчасъ же распорядился: заплатилъ за него по мелочамъ цѣлковыхъ десять долгу, внесъ за него столько же подушныхъ и недоимочныхъ по земскимъ повинностямъ, выкупилъ недавно–проданную имъ послѣднюю коровку и купилъ ему еще дешевенькую крестьянскую лошадку... «Я знаю» говорилъ онъ, «что, по мнѣнію опытныхъ хозяевъ, такъ дѣлать не должно, и что, по мнѣнію ихъ, подобные несоразмѣрные подарки мужику въ прокъ не пойдутъ. Посмотримъ: пропадать деньжонкамъ моимъ, такъ пусть же онѣ пропадаютъ такимъ образомъ, а не за безпутными гуляками.» Крестьянинъ, при такомъ неожиданномъ переворотѣ, ровно одурѣлъ: онъ плакалъ и смѣялся, ходилъ слѣдомъ за благодѣтелемъ своимъ, кланялся и носилъ шапку свою, какъ пугало, на кулакѣ. Баба его, женщина еще молодая, но изнуренная, не могла

доискаться слова: она только крестилась и кланялась каждый разъ, когда нежданный благодѣтель проходилъ мимо нея или приближался. Костромину самому смѣшно было, если онъ среди распоряженій своихъ вспоминалъ, по какому поводу онъ внезапно сдѣлался столь ревностнымъ покровителемъ несчастныхъ. «Успокойтесь, друзья мои» думалъ онъ: «это, къ–сожалѣнію, не на долго; бумажникъ мой скоро опустѣетъ; а то, что было въ немъ, накопилось въ–теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Я думалъ, что оно пригодится мнѣ, еслибъ я вздумалъ съѣздить въ отпускъ, или когда бъ я... когда бъ я вздумалъ жениться; но это все, какъ я вижу, однѣ мечты; годъ за годомъ уходитъ, добрые товарищи меня обираютъ. Не дать, такъ и не жить съ ними; а лучше пусть нѣчего будетъ раздавать, такъ на сердцѣ станетъ спокойнѣе.

— Не знаешь ли ты, спросилъ онъ мужика: — нѣтъ ли тутъ гдѣ по сосѣдству такого жь бѣдняка, какъ ты? да чтобъ непьющій былъ мужикъ и работящій — понимаешь? такого, который обнищалъ отъ

бѣды, отъ напасти, а не по своей оплошности?

Крестьянинъ повторялъ: «Понимаю; какъ же?» а между–тѣмъ смѣялся сквозь слезъ, какъ дурачокъ, и повертывалъ шапку свою на кулакѣ. На этотъ разъ хозяйка его скорѣе опомнилась и дала толковый отвѣтъ: «Есть, батюшка, какъ не быть! богатыхъ–то не больно–много, а этакіе есть. Вотъ въ Сосницахъ, за горой, добрый мужикъ есть, Андреемъ зовутъ, такой же горемыка, сердечный, какъ и мы вотъ до тебя были; да еще и лошадку украли у него мошенники — такъ пропалъ совсѣмъ, вотъ хоть живому въ могилу ложиться».

Костроминъ пошелъ домой, велѣлъ сѣдлать коня, поѣхалъ въ Сосницы и отъискалъ Андрея. Разузнавъ и тутъ все, что было ему нужно, онъ вытрясъ запасный бумажникъ свой до самой подкладки. Весело улыбнулся онъ, когда увидѣлъ это и убѣдился, что, на этотъ разъ по–крайней–мѣрѣ, пришелъ конецъ его страданіямъ. Онъ и этого крестьянина также выкупилъ

изъ бѣды, купилъ ему тутъ же лошадь, новый сошникъ, тулупъ и сѣрмягу. Затѣмъ онъ легко взвился на–лошадь и безъ оглядки пустился крупной рысью изъ сельца, объѣхалъ вкругъ лѣса, посмотрѣлъ на озеро, гдѣ бабы бродили бреднемъ и прятались отъ нежданаго и незванаго зрителя въ тростникъ, потомъ поворотилъ домой и въ самомъ веселомъ и беззаботномъ расположенiи сѣлъ у окна, съ трубкою и со стаканомъ чаю.

Не прошло двухъ недѣль, какъ офицеры собрались у одного изъ товарищей, гдѣ былъ и Костроминъ. Занимались, по обыкновенiю, напущенiемъ другъ на друга пятидесяти–двухъ разбойниковъ; у одного изъ нихъ (не изъ разбойниковъ, то–есть, а изъ числа хозяевъ ихъ) былъ сдѣланъ самый вѣрный разсчетъ и слѣдовало убить семерку; но она обманула, не далась, и проигравшiй съ отчаяннымъ изступленiемъ ударилъ себя въ лобъ...

— Быть не можетъ! нѣтъ, не можетъ быть! закричалъ онъ, подумавъ немного и повѣривъ въ безумiи своемъ какой–то

безсмысленный разсчетъ, по которому онъ билъ на вѣрняка: — быть не можетъ, семерка должна мнѣ воротить все. Атанде, господа!

Онъ вскочилъ и оглядывался, у кого бы занять рублей двадцать–пять для ставки на вѣрнякъ. — Костроминъ, дай ради Бога! не откажи. Клянусь...

— У меня, братъ, нѣтъ, ниже зелененькой; я и самъ до жалованья сижу безъ оныхъ.

— Да дай же братецъ, пожалуйста! продолжалъ тотъ съ такимъ негодованіемъ, будто самъ отбивался силою отъ какого–нибудь докучливаго нахала: — дай, пожалуйста; ты видишь, что тутъ дѣло вѣрное: семерка дастъ соника — не бось, твое не пропадетъ — я отвѣчаю!

— Послушай, сказалъ Костроминъ: — вѣдь вотъ ты же требуешь, чтобъ я твоему слову вѣрилъ; вѣрь же и мнѣ: я никогда и никого изъ товарищей не обманывалъ; у меня нѣтъ денегъ, и именно нѣтъ за душой ни пяти рублей.

— Помилуй, братецъ! началъ тотъ: — у тебя нѣтъ денегъ! да это курамъ смѣхъ; да куда же ты ихъ дѣвалъ?

— Куда дѣвалъ — это мое дѣло; довольно того, что ихъ нѣтъ.

— Вѣрно на какой–нибудь вздоръ издержалъ, сказалъ тотъ, съ горькимъ упрекомъ: — а вотъ когда добрые товарищи въ нуждѣ, въ крайности, когда иному до зарѣзу нужно, такъ и нѣтъ...

Костромину, который былъ въ самомъ спокойномъ расположенiи и нисколько не сочувствовалъ рьяному порыву горячаго товарища, выходка эта показалась очень–забавною; онъ улыбнулся молча; кой–кто изъ прочихъ собесѣдниковъ также разсмѣялся; но на этотъ разъ дѣло этимъ кончилось, и семерка не дала ничего. Черезъ нѣсколько дней, однакожь, опять кто–то навѣдался къ полковому... банкиру, что ли: иначе я его и назвать не умѣю, хотя и банкиры не даютъ обыкновенно взаймы безъ отдачи, и навѣдался по крайней надобности въ деньгахъ. Костроминъ поздравлялъ себя отъ души, что отъ

чистаго сердца и съ спокойною совѣстью можетъ сказать: «нѣтъ ни копейки», и, разумѣется, остался при этомъ отвѣтѣ. На вопросы: «отчего же нѣтъ и какъ нѣтъ?» онъ отвѣчалъ пожимая плечами; но видно было по всему, что ему не вѣрили. «Костроминъ прижался, братцы» стали поговаривать: «обратился въ жидовскую вѣру, сталъ копить не нашутку...» Отчего же никто не вздумалъ упрекать тѣхъ, которые получали втрое болѣе Костромина, а проживали по–крайней–мѣрѣ вшестеро болѣе и, конечно, также, никому не давали взаймы ни мѣднаго гроша?

Прошло еще недѣли двѣ–три, и внезапно сказанъ былъ походъ. Суматохи было много, потому–что вѣсть эта многихъ застала врасплохъ. Доселѣ везла и не везла семерка, а теперь надо было устроиться такъ, чтобъ повезли верховыя и вьючныя лошади, надо было подняться и идти... И опять прибѣгаетъ вечеромъ къ Костромину одинъ изъ такъ–называемыхъ товарищей, человѣкъ женатый, семейный, но человѣкъ, любившій кутнуть попоходному и

повоенному, человѣкъ, который, не взирая на 35 лѣтъ свои и на четверочку ребятишекъ, неминуемо пускалъ каждый грошъ ребромъ и копейку козыремъ... человѣкъ, который выходилъ на цѣлый день со двора, когда дома нѣчего было ѣсть, безъ труда прикидывался веселымъ холостякомъ и добродушно забывалъ о живой женѣ и дѣтяхъ... «Ну, Костроминъ», сказалъ онъ: «какъ хочешь, а дай мнѣ сто рублей. Воля твоя, а я безъ этого отъ тебя не выйду; я въ такомъ отчаянiи, что готовъ не знаю что надъ собою сдѣлать. Вообрази: тутъ выступать, а тутъ семья на шеѣ, а денегъ — вотъ хоть шаромъ покати, ни гроша. Я былъ у всѣхъ, обошелъ кругомъ... Я знаю, что ты зарекся теперь и не даешь никому, да ужь какъ хочешь, братъ, а не даютъ и другiе: нѣтъ ни у кого, вотъ таки будто самъ сатана въ мѣшкѣ вынесъ всѣ деньги изъ цѣлой округи — нигдѣ нѣтъ; хочешь–не–хочешь, а дай. Вотъ божусь тебѣ, клянусь тебѣ всѣмъ, и женой и дѣтьми, какъ–только получу первыя деньжонки — ѣсть, пить не стану, а тебѣ

принесу, отдамъ... А тутъ еще назначили меня, Богъ–вѣсть съ чего, квартирьеромъ: я завтра со свѣтомъ выступаю, а семья моя сидитъ, и хоть лобъ взрѣжь, не знаю, какъ имъ подняться...

Можно себѣ вообразить, какъ пріятна была для квартирьера вѣсть, что онъ не получитъ ни пятидесяти копеекъ, что и самъ банкиръ въ нуждѣ, не приготовясь къ этому нечаянному походу, и что запасъ его давно истощился. Несмотря ни на какія просьбы и убѣжденія, которыми разсчетливый хозяинъ и добрый отецъ семейства истомилъ бѣднаго Костромина, этотъ не могъ дать ничего, потому–что у него не было даже необходимаго для похода и онъ самъ нуждался. Посѣтитель ушелъ въ раздумьѣ, и на крыльцѣ сказалъ вполголоса: «Подлецъ! вотъ подлецъ! а туда же хочетъ слыть порядочнымъ человѣкомъ!»

На другой день вечеромъ деньщикъ квартирьера пришелъ къ Костромину съ просьбой, чтобъ онъ пожаловалъ къ барынѣ.

— Что жь тамъ у васъ?

— Не могу знать. Баринъ со свѣтомъ сегодня уѣхалъ; барыня собираются завтра съ полкомъ, а сегодня видно васъ поджидали.

— Да зачѣмъ же меня?

— Не могу знать–съ.

Костроминъ подумалъ, что въ отсутствіе мужа, Марьѣ Ивановнѣ легко могла встрѣтиться какая–нибудь надобность въ помощи, взялъ фуражку и отправился.

Походное семейство квартирьера готовилось въ походъ. Вездѣ укладывались мѣшки, сундуки и чемоданы; фургонъ былъ выдвинутъ на средину двора, деньщикъ похаживалъ вокругъ него и поколачивалъ; дѣти бѣгали въ походныхъ платьицахъ; дорожная старая шляпка, мѣшокъ, ключи и другія принадлежности лежали на столѣ, а Марья Ивановна, молодая, благовидная женщина кроткой наружности, сидѣла сложа руки на диванѣ и смотрѣла на все это съ выраженіемъ какой–то грусти. Она поклонилась Костромину съ улыбкой и какъ–будто затруднилась нѣсколько въ

отвѣтѣ, когда онъ спросилъ, что ей угодно. Она посмотрѣла на него въ какомъ–то недоумѣніи и, привѣтливо улыбаясь, сказала: «Вѣдь я ждала васъ весь день сегодня. Извините, что я рѣшилась наконецъ послать просить васъ; вѣроятно, у васъ также свои заботы: теперь мы всѣ въ тревогѣ».

Слова эти, однакожь, нисколько не объяснили Костромину, зачѣмъ его позвали; онъ старался объяснить вѣжливымъ образомъ, что хотя и радъ служить Марьѣ Ивановнѣ чѣмъ можетъ, но что онъ не знаетъ, почему именно его весь день ждали, и потому проситъ объясниться. На лицѣ бѣдной женщины появилась какая–то болѣзненная, скорбная черта и выразились опасеніе и ужасная догадка.

— Какъ, сказала она тихо: — развѣ мужъ мой ничего вамъ не говорилъ?

Ничего… то–есть онъ говорилъ со мною, но не приглашалъ меня въ отсутствіе свое къ вамъ и вообще ничего не говорилъ, изъ чего бы я могъ понять теперь, въ чемъ у васъ дѣло.

Марья Ивановна вздохнула, опустила глаза на колѣни свои, стала пальцами перебирать снурокъ дорожнаго мѣшка и видимо поблѣднѣла. Одинъ изъ дѣтей сталъ спрашивать, надувшись: «скоро ли сегодня обѣдать», и она отвѣчала спокойно: «скоро, другъ мой, подожди». Костроминъ взглянулъ съ изумленіемъ на ребенка, потомъ на молодую мать. Уже начинало смеркаться, а военные люди обѣдаютъ въ полдень. Онъ присѣлъ и убѣдительно просилъ хозяйку объясниться.

— Что жь я вамъ скажу? отвѣчала она, также спокойно: — вы видите сами и, вѣроятно, догадываетесь. Я не въ такомъ положеніи, чтобъ могла что–нибудь отъ васъ скрывать. Намъ нельзя подняться: нѣтъ лошадей, нѣтъ еще много кой–чего, и между–прочимъ, хлѣба; есть только нѣсколько долговъ, хотя и небольшихъ, которые также надобно уплатить. Уѣзжая, мужъ успокоилъ меня тѣмъ, что былъ у васъ, и что вы, по добротѣ своей, обѣщали намъ помочь. Онъ сказалъ мнѣ, что оставляетъ меня съ дѣтьми на вашемъ

попеченіи, и, признаюсь, меня это вполнѣ успокоило. Что жь! будемъ сидѣть и ждать: что Богъ дастъ, то и будетъ, прибавила она.

— Мужъ вашъ обманулъ васъ, сказалъ Костроминъ: — онъ просилъ у меня денегъ, я отказалъ ему, потому–что у меня теперь ихъ нѣтъ, нѣтъ даже необходимаго; затѣмъ онъ ушелъ, и болѣе я его не видалъ. Что жь вы будете дѣлать теперь?

— Я не знаю, отвѣчала она, все съ тѣмъ же спокойствіемъ. — Вы слышали, что дѣти надѣятся еще сегодня на обѣдъ; если полкъ уйдетъ завтра, то мы проводимъ васъ глазами, а что дальше съ нами будетъ — не знаю.

Костроминъ всталъ и просилъ ее успокоиться и обождать. Онъ пошелъ прямо къ тому человѣку, который занялъ у него, за нѣсколько мѣсяцовъ тридцать–пять рублей, при божбѣ и клятвахъ, что отдастъ черезъ нѣсколько дней. Костроминъ напомнилъ ему очень–скромно обѣщаніе его и говорилъ, что деньги очень–нужны ему теперь — не для себя, а для другихъ; но тотъ очень обидѣлся этимъ, а денегъ,

разумѣется, не отдалъ. Тогда Костроминъ, въ крайности, написалъ до десятка записокъ одного содержанія, а именно: «Любезный такой–то! Одинъ изъ товарищей нашихъ покинулъ семейство свое, которое терпитъ крайнюю нужду, на мое попеченіе, а у меня теперь не достаетъ денегъ, чтобъ имъ пособить. Прошу тебя по этому случаю, и слѣдовательно не для себя, прислать мнѣ старый должокъ, или хоть часть его, сколько у тебя есть». Записки эти разосланы были по принадлежности, но не дали Костромину ни гроша прихода. Иные господа отвѣчали на той же запискѣ письменно: «извини; ей–Богу нѣтъ»; большая часть приказывали сказать на словахъ: «хорошо; кланяйся; скажи, что я сегодня самъ увижусь».

Костроминъ, правду сказать, и не надѣялся лучшаго успѣха, но не менѣе того ему было это очень–прискорбно. Что дѣлать теперь и какъ быть? Безсовѣстный квартирьеръ, конечно, не стоитъ ни заботъ, ни помощи; но чѣмъ же виновато бѣдное семейство его? «Коли не хотятъ отдать

долги», подумалъ добрякъ мой, «то надобно приступить къ нимъ иначе, а все–таки не миновать имъ складчины». Онъ взялъ фуражку и обошелъ кругомъ всѣхъ наличныхъ въ штабѣ офицеровъ, разсказавъ каждому, въ чемъ дѣло, и объявивъ, что самъ онъ болѣе двадцати–пяти рублей дать не можетъ, а надо собрать по–крайней–мѣрѣ двѣсти. Никто, разумѣется, не могъ отказать, и тѣ же самые люди, которые считали большимъ оскорбленіемъ, если кто требовалъ, чтобъ они уплатили долги свои и отдали деньги, взятыя на срокъ и на честное слово, тѣ же самые люди внесли теперь каждый свою долю, хотя и знали, что нѣтъ никакой надежды получить когда–нибудь долгъ этотъ съ квартирьера. Круговая порука!

Костроминъ заплатилъ за приторгованныхъ уже заботливымъ отцомъ семейства клячъ, вручилъ остатокъ бѣдной Марьѣ Ивановнѣ и въ самомъ грустномъ расположеніи воротился домой. Долго раздумывалъ онъ о томъ, какое странное и безтолковое созданіе человѣкъ вообще, а

такіе люди, съ какими онъ теперь имѣлъ дѣло, въ–особенности. На другое утро всѣ выступили; квартирьеръ встрѣтилъ полкъ и развелъ всѣхъ по квартирамъ, но о происшествіи этомъ между нимъ и Костроминымъ никогда не было рѣчи: словно ничего не случилось. Квартирьеръ былъ веселъ и доволенъ, какъ обыкновенно.

В.ДАЛЬ